

ГЛАВА 22. 20 — ТАМ, ГДЕ КОЖА ТОНЬШЕ ВСЕГО

«Как давно он не чувствовал ничего подобного?» — пронеслась в голове Икки мимолетная, путаная мысль, едва миновало первое мгновение ошеломления.

В последний раз это случилось, когда Соуши только вернулся, восстановив свое тело в мире Фестумов.

Тогда Соуши уже был на острове Тацумия, но Икки всё никак не мог избавиться от мучительного чувства неопределенности. Пусть разум и твердил, что Соуши действительно здесь, сердце не находило покоя, разрываясь между надеждой и страхом.

Он боялся — до дрожи, до замирания сердца — что Соуши снова исчезнет. Так же, как тогда, когда Икки удалось вырвать его из плена, забрав пилотскую капсулу системы Зигфрид, но в итоге Соуши лишь рассыпался мириадами сияющих кристаллов, растворившись в бескрайнем море.

— Икки, — позвал его Соуши, глядя на друга, который принес ему еду в комнату.

Закончив возиться с тарелками, Икки присел на стул у письменного стола и чуть склонил голову набок.

— А?

Несмотря на то что эти слова уже звучали бесчисленное множество раз, Соуши терпеливо повторил:

— Я здесь. Я вернулся.

Икки кивнул.

— Я знаю. Просто... — Его голос затих, а взгляд затравленно метнулся в сторону.

Он и сам понимал, что с ним что-то не так, но ничего не мог с собой поделать. Доктор Тооми Чизуру лишь с сочувствием констатировала: это психологическое осложнение, отголоски пережитого стресса, которые продолжают преследовать его.

Соуши знал об этом диагнозе и ни в чем его не винил. Он лишь задумчиво, изучающе смотрел на друга.

Икки замер под этим взглядом, послушно ожидая, и тогда Соуши подошел к нему. Он ласково

коснулся ладонью щеки Икки и тихо спросил:

— Икки, ты чувствуешь тепло моей кожи?

Икки растерянно моргнул, не понимая, к чему ведет этот разговор, но всё же едва заметно кивнул.

Тогда Соуши взял его руку и кончиками пальцев коснулся шрама на своем левом глазу.

— Этот след — свидетельство того, что ты даровал мне существование.

Словно осознав смысл этих слов, Икки виновато улыбнулся.

— Я чувствую.

Соуши улыбнулся в ответ и, не отпуская его руки, склонился ниже, прижимаясь своими губами к его губам.

В то мгновение время словно остановилось.

... Позже Соуши сказал ему: губы — это то место на человеческом теле, где кожа тоньше всего. Именно поэтому они так ярко передают цвет сосудов и тепло пульсирующей в них крови.

Наверное, именно это тепло, эта близость по-настоящему успокоили Икки, принесли ему долгожданный покой. С тех пор тревога постепенно начала угасать.

Правда, тогда, когда они отстранились друг от друга, Икки еще долго не мог прийти в себя. Пока Соуши как ни в чем не бывало занимался своими делами, Икки застыл с совершенно ошарашенным видом. В его голове, словно взорванной ослепительной вспышкой, билась лишь одна мысль: «У Соуши такие мягкие губы...»

От этой мысли лицо его вспыхнуло еще сильнее, но на душе стало необъяснимо радостно.

Пока Икки витал в облаках, Соуши пребывал в похожем состоянии.

«Это уже в третий раз, верно?» — подумал он, наслаждаясь мягкостью их соприкосновения и невольно погружаясь в воспоминания.

Сейчас он всё чаще вспоминал тот самый первый раз.

Тогда они оба были совсем маленькими. Детей на острове Тацумия всегда было немного, а тех, кого Соуши мог назвать друзьями — и того меньше. Икки среди них был самым близким, самым важным существом.

Соуши хотел сказать об этом, но, не умея толком выражать свои чувства словами, не нашел ничего лучше, чем просто действовать. И вот, снедаемый искренним и чистым порывом, маленький Соуши, чье сердце колотилось где-то в горле, просто прижался губами к губам ничего не понимающего друга.

Икки тогда напоминал нежный, розовый персик.

«Наверное... это и был наш первый поцелуй», — подумал Соуши. Бог свидетель, тогда это было лишь детским проявлением привязанности, но сейчас, оглядываясь назад, Соуши чувствовал, как к горлу подкатывает волна смущения.

Заметив, что Икки отвлекся, Соуши, сам того не осознавая, слегка прикусил его губу.

Чувствительный Икки тихонько охнул от неожиданности. Поскольку его губы были в плену, он лишь издал жалобный носовой звук, чуть приоткрыл глаза и с немым укором посмотрел в серые глаза напротив.

Встретившись с этими глазами, в которых нежность смешивалась с редким озорством, Икки показалось, что он тонет. И это не было иллюзией.

Почувствовав, как руки Соуши ложатся ему на талию — крепко, словно желая заключить в неразрывные объятия, — Икки инстинктивно подался навстречу, прижимаясь к нему еще теснее.

Простое соприкосновение переросло в осознанное исследование. Губы осторожно сминали друг друга, кончики языков бережно очерчивали контуры, касались зубов, сплетались в глубоком вдохе... Словно желая облегчить эти движения, Соуши сжал объятия, а Икки полностью доверился его рукам.

Незаметно их близость превратилась в нежную, упоительную игру.

... Когда они, наконец, нехотя отстранились, оба тяжело дышали.

«Какой же он милый...» — подумал Соуши, глядя на покрасневшегося Икки, который не решался поднять на него глаза. Его припухшие, влажные губы манили, и Соуши, чей взгляд невольно смягчился, ощутил странный трепет.

«Почему раньше я этого не чувствовал?»

Словно камень, брошенный в тихую воду, эта мысль пустила круги по его душе. Тихая, необъятная нежность затапливала сердце, и Соуши изо всех сил старался сдержать этот рвущийся наружу поток чувств. Он не мог отвести взгляда от Икки ни на мгновение.

Заметив, что Икки, кажется, наконец решил посмотреть на него, Соуши мгновенно спрятал свое смятение. Он бережно взял лицо друга в ладони. Прижавшись своим лбом к его лбу — там, где челка едва прикрывала чистую кожу, — он чуть потерся о него и тихо, с привычным спокойствием, спросил:

— А так?

От этих слов румянец на лице Икки, едва успевший сойти, вспыхнул с новой силой.

Икки не знал, осталось ли у него еще «человеческое сердце», но, слыша голос Соуши и видя его лицо, он чувствовал, как в груди слева что-то бьется — быстро, радостно, неудержимо.

Понимая, что Соуши всё еще серьезно ждет ответа, совершенно растерянный Икки лишь застыл на месте и спустя долгую паузу едва заметно кивнул.

— Хорошо. — Разомкнув руки, Соуши достал из кармана очки, надел их и отвернулся. — Тогда идем назад.

Икки всё еще не решался смотреть на него в упор. На предложение друга он ответил лишь коротко:

— Угу...

Однако, когда они окончательно разорвали объятия, до них вдруг дошло: они здесь не одни.

Заметив, что Соуши и Икки наконец-то пришли в себя, Владелец лавки, который, судя по всему, наблюдал за ними довольно долго, с ехидной ухмылкой прикрыл глаза ладонью и ляпнул первое, что пришло в голову:

— Ой-ой... Я ничегошеньки не видел!

Его попытка прикинуться слепым была настолько шита белыми нитками, что Соуши и Икки в одно мгновение покраснели до самых кончиков ушей.

<http://bllate.org/book/17427/1658834>